

Даля Трускиновская

Женщина четвертой категории

Далия Трускиновская
Женщина четвертой категории
Серия «Саркастические детективы»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164064

Аннотация

Странно, как на женщину воздействует природа. Казалось бы, пользы от нее никакой, а некоторых так даже раздражает своей бессмысленностью. Я сама видела и слышала, как очень недовольная жизнью баба посмотрела зимней ночью в темное небо, выделила среди неизвестных ей созвездий одно светилице поярче, Арктур, и презительно сказала: «Во звездец!» Точно так же, как от Аркура, нет никакой пользы от розоватых закатных облаков. И тем не менее я понимала, что передо мной именно прекрасный летний вечер. Эти самые нежные облака плыли по небу, но под ними воздух был совсем прозрачный. Легкий и пьянящий аромат хлорки заполнил подъезд. Он шел от моего ведра и моей половой тряпки. Это был последний, шестой подъезд, и я малость притомилась...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Даля Трускиновская

Женщина четвертой категории

Глава первая

Странно, как на женщину воздействует природа. Казалось бы, пользы от нее никакой, а некоторых так даже раздражает своей бессмысленностью. Я сама видела и слышала, как очень недовольная жизнью баба посмотрела зимней ночью в темное небо, выделила среди неизвестных ей созвездий одно светилице поярче, Арктур, и презительно сказала: «Во звездец!»

Точно так же, как от Арктура, нет никакой пользы от розоватых закатных облаков. И тем не менее я понимала, что передо мной именно прекрасный летний вечер. Эти самые нежные облака плыли по небу, но под ними воздух был совсем прозрачный. Легкий и пьянящий аромат хлорки заполнил подъезд. Он шел от моего ведра и моей половой тряпки. Это был последний, шестой подъезд, и я малость притомилась.

Выглянув в окно, я поразилась красоте вечера, я умилилась, на мои глаза навернулись две слезинки восторга, и тут

снизу кто-то затопал по ступенькам. Шаги были уверенные, тяжкие, мужские.

– Куды прешься, мать твою! – заорала я грубым басом. – Ноги вытирать надо! Тут за вами убирать наломаешься!

Мужчина, что появился из-за лестничного пролета, обалдел. Он думал, что худенькая хрупкая уборщица не способна дать отпор такому здоровенноаму бугаю. Еще как способна!

– Так обо что вытирать-то?..

– Вон, о тряпку мою! Ишь, ходют тут всякие... Ща схватишь по сусалам... – пробурчала я.

Иначе с этими гражданами нельзя. Замусорят подъезды вмиг. Прикиньте – в доме шесть этажей, на каждом – четыре квартиры, если каждая квартира пройдетя по свежевывмытой лестнице, это что же будет?! Грузовик чернозема будет! А ведь ко многим еще гости заявляються! И детишки бегают целыми бандами!

Наконец пол был домыт. Я спустилась в подвал, повесила на вешалку свой рабочий халат и вымыла руки дорогим душистым мылом «Земляничное», целых восемь рублей за него отдала.

– Это ты, душенька? – спросила из глубины подвала Лягусик.

– Я, солнышко!

– Чаек пить будешь?

– Потом немного. Видишь, погода какая хорошая! И видимость замечательная!

– Да что ты говоришь!

Моя подруга и почти сестра Лягусик, вместе с которой мы занимаем этот угол подвала, поспешила навстречу, снимая фартучек с кружевной оборочкой.

Вместе мы вышли и поднялись на четвертый этаж к бабушке Агнессе Софокловне. Бабушка была старой породы – летом ходила в черных нитяных перчатках и с ридикюлем, а в ридикюле был театральный бинокль времен императрицы Марии Федоровны. Агнесса Софокловна считала, что пенсне женщину старит, а очки не признавала, потому что их придумали большевики. Конечно же, у нее были шляпки и болонка. Я бы эту болонку живо приучила к дисциплине, но не хотела ссориться с Агнессой Софокловной, потому что при необходимости брала у нее напрокат бинокли. Кроме театрального, она их имела еще несколько, в том числе морской, доставшийся от кого-то из родственников, служившего в годы японской войны на крейсере «Варяг» и очень вовремя угодившего в береговой лазарет из-за приступа аппендицита.

Сказав старушке комплимент, Лягусик получила на часок-другой бинокль, и мы бодро полезли на чердак.

Во многих московских домах чердаки уже стали обитаемыми – то есть, оттуда прогнали бомжей и, отремонтировав, назвали мансардами. Но наш еще держался, а бомжей там почти не водилось. Когда появились первые, я так с ними управилась, что по какой-то тайной бомжовой почте всем

окрестностям стало известно – сюда лучше не соваться.

Мы забрались через люк, прикрыли его за собой и подошли к окну, которое снаружи выглядело, как рама старинного зеркала, все в лепных цветочках и ягодках, а также развесистых листочках. Раньше даже доходные дома по фасаду украшали лепниной, а уж каменных львов в столице вообще было – завались. Агнесса Софокловна до сих пор их со слезами вспоминает. Сидя на таком льве, она в шестнадцать лет целовалась с красавцем-гусаром.

Первой взяла морской бинокль Лягусик, отрегулировала и тихо ахнула.

– Она! Честное слово, она! – воскликнула моя подружка-сестричка.

Я выхватила у нее оптическое чудище весом в два килограмма и поднесла к глазам.

Там, вдали, виднелось знаменитое Вилкино – самый элитный поселок, какой только можно вообразить. А посреди поселка стоял шестиэтажный особняк. Мы знали этот особняк так, как будто прожили в нем несколько лет. Ведь он принадлежит знаменитой Яше Квасильевой!

Зарабатываем мы немного, но все новые книги нашей душечки Квасильевой покупаем сразу и ссоримся, кто первой будет читать. Специально для них мы оборудовали книжные полки от пола до потолка. Правда, потолки в подвалах низкие, и потому скоро на полках не хватит места, но мы что-нибудь придумаем.

Лягусик была права – по крыше особняка действительно меланхолически бродила Яша Квасильева, а на шее у нее висел питон, только я не поняла, который из двоих, Марик или Бобик.

У Лягусика есть тетрадка, в которую она выписывает из книг Квасильевой все, что касается ее домашних животных. А поскольку во всех своих детективах милая Яшенька обязательно расскажет про них что-нибудь интересное, если же интересного не случилось, обязательно перескажет другими словами какую-нибудь давнюю историю, тетрадка у Лягусика уже почти исписана. Мы все с нетерпением ждем, когда Лягусик наконец подготовит свой доклад «Образы домашних животных в творчестве Яши Квасильевой». Мы – это фан-клуб поклонниц Квасильевой.

Собираемся мы дважды в месяц – празднуем выход очередной книги бессмертной писательницы, обмениваемся мнениями и читаем доклады, посвященные ее творчеству. Мы – женщины простые, вот у меня – всего десять классов образования, мы постов не занимаем, и вообще сорок процентов клуба – домохозяйки. Поэтому доклады получаются не очень научные, зато страшно интересные. Помню, полгода назад Гюльчехра Нумизматова исследовала образ свекра Альфонса Альфонсовича в творчестве Квасильевой, и пришла к очень странному выводу. Яша так часто ссорится и мирится со свекром, с таким постоянством прихватывает его на все светские тусовки, что Гюльчехра заподозри-

ла интимную связь. Тут такое началось! Я еле отбила у разъяренных баб бедную Гюльчехру. В чем-то они были правы – после семи разводов всякая нормальная тетка возненавидит род мужской навеки, и Яша, которая в свои годы и при своих доходах никак не желала выйти замуж в восьмой раз, служила для нас путеводной звездой. Уж если она отреклась от брака, то все незамужние особы, входящие в наш клуб, могут ходить с гордо поднятой головой. Ведь они поступают в точности так же, как Яша Квасильева!

А еще мы пропагандируем творчество Яши Квасильевой.

У нас есть список дежурств по метро. Мы тщательно изучили пассажиропоток и пока осваиваем две линии – Сокольническую и Таганско-Краснопресненскую. Они не просто самые длинные – а за пределами кольцевой каждая имеет внушительный хвост, состоящий из долгих перегонов. И вот наши активистки с сумками проходят по вагонам и смотрят, что читают едущие с работы женщины средних лет. И если видят бабу с простым лицом, погруженную в мучительные раздумья о муже, детях и финансах, тут же предлагают ей книжку Яши Квасильевой. На сей предмет у нас есть особый фонд. Мы им объясняем, что женщине просто неприлично ехать в метро и не читать Квасильеву.

Иногда едешь по делам и просто блаженствуешь – на скамейке ряд женщин, и все уткнулись носами в томики Квасильевой! Есть ли на свете картина лучше этой?!

Так о чем это я? О том, что по крыше меланхолически

прогуливалась Яша Квасильева, а на ней висел питон.

– Смотри, смотри! Это же она сочиняет новый детектив! – догадалась Лягусик.

– Чтоб я сдох! – подтвердила я. И в самом деле – что еще могло означать это хождение по крыше с опущенной головой и питоном на шее?

– Вот как, оказывается, это делается...

– А в книжках она иначе пишет – что идеи приходят в голову, когда она следит за горничными, моющими посуду...

– Нет же, сперва с ней что-то случается, а потом она это описывает!

– Думаешь, описывать – так просто? Она вспоминает, и, глядя на горничных, обрабатывает воспоминания в голове...

– Как бы я хотела написать хоть один детектив! – воскликнула Лягусик.

– А я бы не хотела, чтобы ты писала детективы, – здраво заметила я. – У тебя для этого слишком слабое здоровье.

Тамусик сразу меня поняла.

Здоровье нашей обожаемой Яши Квасильевой было темой недавнего доклада, который прочитала бывший врач-терапевт тетя Роза. Она не поленилась и подсчитала, что за последние годы Яша получила девяносто семь ударов по голове от преступников разнообразными тупыми предметами, спотыкалась и вывихивала ногу сорок два раза, шлепалась на асфальт лицом вниз – двадцать пять раз, других цифр я не помню, но тоже просто поразительные. И надо еще учесть,

что в момент чтения доклада был на подходе очередной роман Яши, вот-вот должен был появиться на прилавках, и еще один она наверняка писала. Значит, количество боевых травм на самом деле было несколько больше.

Здоровье у Лягусика в самом деле не то, чтобы ввязываться во всякие страшные истории. Но написать детектив почему-то хочется и мне. Правда, так здорово, как у Квасильевой, у меня, конечно, не получится. Да и о ком писать? О бомжах, которые меня за версту обходят? Или как я задержала квартирного вора и отлупила его палкой от метлы?

Опять же, она очень много пишет о своей семье. А у меня семьи нет, только Лягусик. И животных у меня нет, если не считать подвальных крыс. Зато у меня есть растения! Как кто вынесет на помойку горшок – так я его сразу же тащу домой. Но растения никуда не бегут, нигде не прячутся, не глотают мобильных телефонов (мобилки у меня тоже нет) и не рожают по восемнадцать детенышей зараз, даже яйцо снести – и то не пытаются.

Но, с другой стороны, так романтично, когда тебя стучают по голове тяжелой рукояткой пистолета (Квасильеву стучали сорок семь раз), или прикладом от старинного мушкета (кажется, всего два раза), или на тебя падает бронзовая мемориальная доска с архитектурного памятника! И всякий раз на помощь спешит мужественный полковник Запердолин!

Как-то я поймала Лягусика за сочинением письма Запердолину. Разумеется, это было объяснение в любви. Я отня-

ла у подружки-сестрички эту политую слезами грамоту и на-строга ей запретила подобные эксперименты. Может, Запердолин тайно влюблен в Яшу, а Яша – в Запердолина? Может, они уже в следующем романе объяснятся, а два романа спуста поженятся? А тут – Лягусик со своими страданиями!

И ведь каждый раз после удара Яша собирается с силами и продолжает следствие! Боюсь, что у нас с Лягусиком так просто не получится, для этого нужно иметь какую-то особенную голову.

Но, с другой стороны, так хочется, чтобы случилось преступление, чтобы мы с Лягусиком его расследовали, а потом вместе написали роман, и я отнесла бы его Яше Квасильевой!

Очевидно, она действительно обдумывала детектив, потому что чуть не свалилась с крыши. А потом наверх поднялась горничная, и Яша удалилась вместе с ней.

– Ужинать пошла, – догадалась Лягусик.

– А странно, что она не курила.

Из-за любимых сигарет Квасильевой «Голуаз» мы чуть было не приобщились к никотину. Но Лягусик органически не переносила табачного дыма, и все восемь попыток освоить «Голуаз» кончились печально. Я же в детстве курила все, что горит, и худо мне стало только от резиновой мелкой стружки, которую мы наскребли со старой шины. Я бы справилась с «Голуазом», но ведь Яша курит его целыми блоками, если ей подражать всерьез – никакой зарплаты не хватит.

Иногда мне даже кажется, что она вставляет в рот по три-четыре сигареты сразу, чтобы осилить то бешеное количество блоков, которое покупает в каждом романе.

– Может, бросила? – предположила Лягусик.

– Да ты что?!

Вот именно теперь, когда большая часть нашего клуба перешла на «Голуаз», Яша Квасильева просто не имела права отказываться от сигарет! Тем более, что мы ее об этом известили – послали корзину роз и открытку с подписями курильщиц.

И мы полезли вниз – возвращать бинокль Агнессе Софокловне.

Старушка попросила меня вынести мусорное ведро. Обычно я беру за эту услугу от трех до пяти рублей, все-таки помойка у нас далековато. Но в благодарность за морской бинокль я таскаю ведро Агнессы Софокловны бесплатно.

Считать рубли я вынуждена из-за моего Лягусика. Подружка-сестричка не знает четырех арифметических действий. Я не шучу – она их действительно не знает, и в тех редких случаях, когда я отпускаю ее одну в магазин, то даю с собой точные деньги и список продуктов. Продавщицы в курсе, так что проблем не возникает.

В силу того, что Лягусик не знает арифметики и не соотносит цифры моей зарплаты с ценами на продукты и одежду, а душа у нее при этом добрейшая, возникают маленькие недоразумения. Как-то она отдала все деньги нищенке на уг-

лу. Я эту мерзкую бабу всегда метлой гоняю, но чуткая Лягусик не могла спокойно смотреть на скорбный лик старой алкоголички.

Возвращаясь с пустым ведром, я встретила еще одну нашу жиличку, Наталью Петровско-Разумовскую. Это очень достойная женщина, я даже несколько раз брала ее с собой на заседания клуба. У нее тоже есть особая полочка для книг Яши Квасильевой.

Она – реставратор антиквариата. И работает дома. Поэтому у нее постоянно кучи всякого невероятного мусора. Я помогаю ей прибираться, прихожу трижды в неделю, и каждый раз сметаю с пола всякой дребедени на два больших мешка.

С одной стороны, я очень довольна жиличкой – платит она хорошо. С другой – в прошлый раз мне показалось, что баба не в своем уме. Прикиньте – в мастерской на полу лежал толстый слой картофельных очистков! Как будто тут кухня заводской столовой, куда поступает порченная картошка, так что приходится снимать сантиметровый слой кожуры и вырезать целые куски с гнилью. Я, конечно, ничего не сказала, но кожуры было килограммов двадцать – так сколько же Наталья очистила картошки? А главное – куда она эту картошку подевала? Не съела же!

С моей точки зрения, у Натальи только один недостаток. Она неплохо зарабатывает, вот к ней и пристроился молодой парень, прямо поселился. Она всем объясняет, что это племянник, ну да меня не проведешь. Я про наш двор знаю все.

Таких племянников гнать в три шеи, но она за него держится.

Еще у нее имеется племянница Юлька – вот та настоящая. Племянница, кажется, замужем, но сюда прибегает пожить, сняв обручальное кольцо и вопя на весь микрорайон, что начинает новую жизнь.

Человек, начинающий новую жизнь – явление обременительное. Он всем рассказывает о своих планах и требует, чтобы каждым его поступком, означающим шаг к новой жизни, все немедленно восхищались. Но еще хуже то, что Юлька недурна собой. Прикиньте, что получится, если в одной квартире вынуждены временно жить старая тетка, мечтающая о новой жизни племянница, которой примерно двадцать пять, и фальшивый юный племянник. Разврат получится – это уж точно. Наталья прекрасно это понимает и племянницу не слишком привечает, хотя по-своему любит и подбрасывает ей денег. Купив очередную обновку, Юлька успокаивается, откладывает новую жизнь до лучших времен и возвращается туда, откуда она прибыла – к своему бестолковому мужику, живущему то ли в Теплом Стане, то ли в Ясеневе, и от метро еще на автобусе с полчаса.

– Люстрочка, зайдите ко мне, дело есть, – сказала Наталья.

У меня на редкость странное имя. Происходит оно из не таких уж далеких времен, когда родители старались выдумать что-нибудь пооригинальнее. Мою бабушку, появившуюся на свет примерно в это безумное время, не хотели на-

зывать ни Машей, ни Катей, это были имена старорежимные. Уж где прадед с прабабкой услышали слово «перлюстрация», я могу только догадываться. Оно им показалось очень умным и современным. Опять же, малышку дома звали Люсенькой, и правду она узнала чуть ли не в день получения паспорта. И очень обиделась.

– Нет чтоб назвали «Ревмира»! Или «Электрификация»! – возмущалась она. – Или «Герострата»!

Первое имя означало, как вы понимаете, «революцию мира», со вторым все ясно, а над третьим мне пришлось поломать голову, потому что бабка к тому моменту, как пустилась в воспоминания, уже три четверти перезабыла. Оказалось, это «герои стратосферы». Меня осенило много лет спустя – я вдруг вспомнила, как бабка, взмокнув от усилий, пыталась увязать имя с дирижаблем.

Где и кем бодрая старушка проработала с таким имечком более сорока лет – теоретически представить можно, не зря же говорят, что имя – это судьба. Всякий раз, когда доходило до служебных дел, ее одолевал склероз. Но когда я родилась, мой папенька находился в местах не столь отдаленных, моя маменька чуть ли не сразу из роддома подалась в бега, и бабка, которой на шею свалилась крошечная внучка, наградила меня сгоряча собственным именем.

Вот почему меня зовут Люстрой.

– Хорошо, – сказала я Наталье, искренне надеясь, что меня не ждет на ночь глядя десятисантиметровый слой карто-

фельной шелухи.

Но, когда я вошла, тот тут же от двери и попятилась.

– Наталья Борисовна, что тут было???

– Ох, Люстрочка... Сашенька в какую-то аферу впутался, менты с обыском приходили...

– С обыском?! – изумилась я и первым делом посмотрела на полку. И благословила судьбу. Среди всего разгрома именно эта драгоценная полочка уцелела. У ментов на нее просто рука не поднялась. А ведь там стояли не просто книги Яши Квасильевой, а даже два бесценных экземпляра с автографами!

– Того гляди, имущество описывать будут! – вздохнула Наталья. – Предупреждали...

– А какое отношение имеет племянник к вашему имуществу? – удивилась я, разглядывая кавардак в гостиной. – Он же сюда только в гости приходит!

– Вот то-то и оно! А они решили, что он тут живет! Его вещи у меня хранились, и вообще...

– Мало ли что хранились! Эти козлы еще будут вам указывать, как себя вести с родным племянником! – заорала я. – Волки позорные, суки скурвленные!

– Выручайте, Люстрочка! Я заказ выполняла, кресло перетягивала в аутентичном стиле арт-нуво! Мне его через два дня в салон сдавать! А если имущество опишут – что я салону скажу? Сделайте милость, заберите его к себе в подвал!

– Так я не только кресло! Что еще спрятать нужно?

– С остальным проблем не будет – я уже с хорошим адвокатом связалась, мы очень быстро докажем, что Сашка к вещам никакого отношения не имеет. Но в два дня не уложимся. А кресло мне уже послезавтра понадобится может. В салоне гарнитур забирают, и они тут же это кресло выставить хотят, у них там целая тематическая экспозиция.

– А что за салон-то?

– Круче не бывает, Люстрочка. «Мебелюкс»! Там все новые русские антиквариат берут.

– Ну, хорошо, – я подошла к креслу и покачала головой. Не хотела бы я постоянно иметь дома эту штуку в аутентичном стиле...

Они было без подлокотников, с высокой и относительно прямой спинкой, но все затянуто в черную кожу, а под кожей бугрились какие-то валики.

Я сбегала домой за рабочим халатом, Наталья помогла мне взвалить это чудовище на плечо и сопровождала меня до самого подвала.

Надо сказать, что после всех наших передрыг мы с подружкой-сестричкой устроились в подвале совсем неплохо. Я принесла со свалки совсем приличные стулья, знакомые грузчики помогли притащить два диванчика. Прямо по стенке нашей спальни проходит толстая и горячая труба. У нас есть даже санузел и душевая.

Если бы Лягусик освоила хотя бы четыре арифметических действия, то мы и тут бы жили совсем неплохо. Но

она органически не способна считать. Зато ее сердце разрывается на части, когда она видит убогого, пьяного, никому не нужного человека. Сколько раз я, еле притащившись домой в зимнюю полночь, обнаруживала на своей постели вдрызг пьяного мужика! Для таких случаев я в конце концов приспособила ту большую лопату, которой разгребаю снег, Я укрепила ее стальными прутками и теперь выкидываю непрошенных гостей именно лопатой, потому что прикасаться к ним руками просто опасно. А Лягусик еле удерживает слезы.

Да, я дворник, и выше по ступенькам социальной лестницы мне не подняться. Я от рождения обречена на эту самую низшую ступеньку. Прикиньте – маменьки своей я не знаю; бабка Перлюстрация не зажила на этом свете – мне было лет семь или восемь, когда она скончалась; папенька, поняв, что сам с дочкой не управится, привел домой невероятную тетку, которая гоняла его, как цуцика, да и мне доставалось. Правда, порядок в доме она соблюдала и многому меня научила – это и спасло нас с Лягусиком в трудную минуту.

Профессия у папаньки была толковая – щипач. Он отирался в общественном транспорте и ни разу не возвращался домой без чужого кошелька. Но при таком ремесле нельзя пить. А мой предок, удрученный неудачной семейной жизнью, стал прикладываться к горлышку все чаще. И в конце концов попался на горячем.

Моя приемная мамаша Фроська вздохнула с облегчени-

ем, когда он загремел за решетку, и я уж обрадовалась, что она исчезнет с горизонта. Но во Фроське проснулось что-то вроде чувства ответственности. Пьяная она была грозна и ужасна, трезвая – покупала мне карамельки и пряники. То есть, как умела – так и воспитывала. Интересно было то, что Фроська презирала бюрократию, и в результате я не получила вовремя паспорт, потом осталась без прописки, это коренная-то москвичка! Я понятия не имела, какие такие документы должны быть у законопослушного гражданина. От папаньки и его приятелей слыхала, что паспортов может быть несколько, и все на разные фамилии, а трудовую книжку впервые увидела в возрасте тридцати лет. Слово «бюллетень» я знала лишь потому, что его проходили в школе, но смысл его для меня до сих пор туманен, хотя два «Л» вдолбили мне в голову прочно.

С Лягусиком судьба меня свела так.

Я росла дворовым ребенком и в школу попала случайно – какой-то инспектор из роно узнал о моем существовании и выследил. Я пряталась по сараям и чердакам, но наконец сдалась. Меня привели, усадили за парту, но первый же мой ответ у доски сильно озадачил весь класс. Я вдруг стала вслух соображать, какого хрена эта траханная мама мыла раму, когда мыть положено все окно целиком, и определила давно почивших авторов учебника как лохов и козлов, а также пу-стозвонов – я, правда, выразилась несколько покруче.

В школу вызвали Фроську, которая пришла, хлебнув для

куража грамм триста карамельного самогона – чтобы заодно хорошо пахнуть. Хотя дома мне от нее доставалось, тут она была готова защищать приемыша до последней капли крови – понятное дело, учительской крови.

– Так чего же в учебниках всякую хренотень пишут? – удивилась и она. – Если шмара держит мазу, так ей стремно с рамой трахаться, а у фраеров точно стекла моют, а не рамы! Сама видела! Фуфло, училка, твоя книжка, ты мне девку по какой-нибудь другой учи!

Больше Фроську не вызывали, но я усекла, что требуется в школе, и довольно быстро стала чуть ли не отличницей. А примерно в пятом классе у нас появилась новенькая – худенькая и бледненькая девочка с прелестным экзотическим именем Лиана. Ее посадили рядом со мной – у меня в классе была к тому времени такая репутация, что место за моей партой считалось чем-то вроде карцера для провинившихся. А Лиану просто больше некуда было девать.

Ровно через два дня выяснилось, что одноклассница не знает ровно ничего. Читала она только печатные буквы, писать даже не пробовала, а считать не научилась и по сей день. Но наши учительницы странным образом совершенно не придавали этому значения. Вскоре у всех у них появились обновки – туфли, кофточки, костюмчики.

Мы, дети, строили всякие домыслы, а правду узнали пару лет спустя – Лиана была дочкой одного значительного дяди из Министерства иностранных дел и половину своей ма-

ленькой жизни провела с родителями в разъездах. Когда по туманным причинам (эх, не было уже на свете бабки Перлюстрации!) ее папочка вынужден был осесть в Москве, он поместил было дитяtko в элитную школу, где в основном бездельничали детишки дипломатов, но тут же оттуда забрал – не захотел позориться перед коллегами. А у нас он мог за небольшие деньги скупить на корню весь педсовет.

Мне стало жалко Лиану и я научила ее списывать домашние задания. Вернее, сперва она их не столько списывала, сколько перерисовывала к себе в тетрадку, а щедрые педагоги, делая вид, будто ни о чем не догадываются, ставили девочке четверки и пятерки.

Родители очень заинтересовались этим чудом, и как-то под Новый год Лиана позвала меня в гости. Никогда раньше мне не приходилось бывать в таких квартирах, и я первым делом заблудилась. Родители одноклассницы, Иван Иванович и Марфа Петровна, оказались людьми не чванливыми, а я к тому времени уже понимала, что не во всяком обществе уместен Фроськин репертуар.

Они так хорошо меня приняли, что я в прихожей удержалась от соблазна и не прихватила торчащий из кармана кошелек. Руки у меня были папашкины – я кончиками пальцев чувствовала, где что плохо лежит.

Я стала бывать у них в доме, вернее, приходить туда после школы вместе с Ляsenькой – так дома звали Лиану. Скоро я стала называть ее родителей дядей Ваней и тетей Мар-

фуней. Они же, видя, что проблема среднего образования с моей помощью будет решена малой кровью и за небольшие деньги, покупали мне одежду, кормили-поили и снабжали боеприпасами. Я первая в классе обзавелась баллончиком со слезоточивым газом, чтобы гонять от Лягусика злых мальчишек. Они почему-то повадились звать мою подружку дефективной, хотя она была совершенно нормальным, даже очень добрым и отзывчивым ребенком, только напрочь лишенным способностей, вопреки всем законам генетики. Я, дитя алкоголиков, уродилась с головой, а Лягусик, дочь более чем благополучных родителей, мозги получила в наследство от какого-то пещерного предка.

Читать Лягусик, правда, все же выучилась. Но если я, добравшись до библиотеки ее родителей, собранной в то время, когда дом без книг считался убогим, читала Ницше и Шопенгауэра, изредка снисходя до классиков детектива – По, Конан-Дойла и Агаты Кристи, то Лягусик непонятно где добывала детские книжки и обливалась слезами над приключениями Чиполлино. Потом она очень естественно перешла к дамским романам, и я по сей день нахожу дома в самых неожиданных местах трогательные истории про бедных девушек и прекрасных миллионеров.

После окончания школы Лягусиковы родители стали думать – куда нас девать. Уже всю шла перестройка, но куда она приведет – этого никто понять пока не мог. Наконец по каким-то своим каналам они узнали, что оставаться

здесь не имеет смысла, а лучше вовремя слинять и стать той самой первой волной советской эмиграции, которая имеет шанс хоть чего-то достигнуть.

Они решили взять меня с собой – тогда-то и выяснилось, кстати, что у меня проблемы с документами, – и почти все подготовили. Но, видимо, супруги являлись носителями некой ужасной государственной тайны. В один печальный день дядя Ваня и тетя Марфуня исчезли.

Тогда от милиции уже было мало проку, искали их спустя рукава и, естественно, никаких следов не обнаружили. Лягусик до сих пор считает, что их отправили выполнять таинственное задание, и в один прекрасный день они явятся с кучей денег. Если бы мы жили в дамском романе – так бы оно и было. Но мы жили в Москве, в которой я, кстати, формально не имела прописки. Фроська, пока я околачивалась у Лягусиковых родителей, однажды протрезвела и вспомнила, что не состоит с моим папанькой в законном браке, а просто числится его шмарой. Ей подвернулся кандидат, который только что откинулся с зоны, и она отбыла с ним в теплые края. Где обретался папашка – я понятия не имела. А кинутая Фроськой папашкина квартира очень быстро обрела нового хозяина, который стремительно оформил прописку.

Началась полоса несчастий. Нежная и хрупкая Лягусик в лучшем случае могла составить счастье богатого дяденьки, которому по карману няньки и домработницы. Я теоретически могла составить счастье крутого уркагана – никто так

пронзительно не свистел в четыре пальца и не орал «Атас!», а также не протрезвлял пьяного в пять минут при помощи стакана нашатыря пополам с уксусом. К тому же я могла подвести теоретическую базу под любой гоп-стоп при помощи цитат из Ницше. Но ни тот, ни другой нам что-то не подворачивались.

Огромная квартира, где росли мы с Лягусиком, оказалась служебной, и на нее тут же нашлись охотники. Деньги за распроданный антиквариат исчезли вместе с дядей Ваней и тетей Марфуней. В райисполкоме, куда мы пришли с Лягусиком за помощью, нам предложили одну на двоих комнату в коммуналке. И тут я дала маху. Когда мы осмотрели комнату (девять метров, зато очень высокий потолок, и всего пятнадцать человек соседей), я пошла искать машину, чтобы перевести сюда наше имущество. Лягусика я опрометчиво оставила в квартире, а ордер лежал у нее в сумочке.

Тут же соседи окрутили бедную доверчивую девочку, объяснили, что живут друг у друга на головах и в печенках, что эта комната по правилам полагалась семье, где растет пять человек разнополых детей, и добрая душа Лягусика не выдержала. Она отдала ордер многодетной мамаше и сбежала куда глаза глядят.

Мне пришлось поднимать старые связи – все-таки папанька был человек в своем роде известный. С большим трудом мы отловили Лягусика у трех вокзалов, где она в в состоянии нервного срыва пыталась продать за четыреста герман-

ских марок свою девственность. Почему именно четыреста и именно марки – этого я не узнала никогда. Хорошо, что Лягусику не поверили насчет девственности, иначе эта история кончилась бы совсем плохо.

В поисках спасения я обошла все дворы, где провела раннее детство. Те бывшие соседи, которые, узнав меня, сразу не шарахнулись, и посоветовали перекантоваться в подвале – только оттуда сперва нужно было выгнать бомжей.

И тут наши обстоятельства переменялись к лучшему. Во-первых, в подвале оказалось всего два жалких бомжа, так что даже не пришлось пускать в ход папашкин кастет и слезоточивый газ, а во-вторых, шаря в поисках продовольствия у помойки, я нашла толстенький томик, на котором было написано: «Любительница частного сыска Яша Квасильева».

Чем я только не занималась! Я пыталась быть уборщицей в детском саду, но не выдержала – теперешние дети построили бы любую зону и самого крутого пахана загнали под шконки. Я пыталась стать санитаркой в больнице, но вскоре мое место потребовалось соседке чьей-то бабушки. Профессии у меня не было, я только умела наводить порядок, и связей не было, а без них в Москве, да еще без прописки, можно разве что по мусоркам шарить. И вот однажды на меня обратила внимание наша домуправша Мухоморовна.

Она узнала во мне Парину дочку, и...

Но тут пора наконец представиться. По крайней мере, Яша Квасильева всегда так делает. Сперва что-нибудь инте-

ресное про свою семью расскажет, про свекра, про животных, а потом напомним, как ее зовут и что она – любительница частного сыска. И всегда это у нее так ненавязчиво получается!

Зовут меня Перлюстрация, ласково – Люстрочка, а фамилия у меня совсем неудачная – Клоповник. Это при моей-то любви к чистоте! Но это что! У папаньки моего еще почище погоняло. Бабка, надо думать, с ее-то имечком трудилась в таком учреждении, где очень бдели, чтобы и в личной жизни у сотрудников был полный ажур. За две недели до ее родов разродилась коллега и назвала сыночка Владленом – от «Владимир Ленин». Бабка решила ее переплюнуть. Ленин-то – один, но у него имеется близнец-брат, которого грех не использовать. Папанька получил имя Партилен – от строчки Маяковского «Партия и Ленин – близнецы-братья»! Получился Партилен Клоповник. Поскольку Ленин к тому времени уже давно скончался, а партия – как раз жила, то бабка ловким ходом обеспечила себе повышение по служебной лестнице. А уж что выросло из сыночка Партилена – это совсем другая история.

Конечно, его учили музыке, тем более, что пальцы у него оказались самые фортепианные. Конечно, ему внушали великие истины. Но у бабки не хватило ума выйти замуж за какого-нибудь Иванова-Петрова-Сидорова и избавиться от фамилии.

Парька Клоповник сперва бывал жестоко высмеян во дво-

ре за свою фамилию, но потом приноровился давать сдачи, и в конце концов обратил на себя внимание дяди Митяя, который в основном проживал на зоне. Дядя Митяй сообразил, что аристократические руки мальчика словно созданы для чужих кошельков. И пошло-поехало!

Парень был обучен воровским законам, один из которых требовал не работать там, где живешь. И более того – когда у домуправши Мухоморовны в трамвае стырили кошелек, мой папанька сообразил, чьих рук это дело, пошел разбираться и вернулся с пропажей. С одной стороны, гуманность проявил, с другой – Мухоморовна в те славные времена жила с участковым...

Так вот, опознав в плохо одетой и тощей, как скелет, девочке Парькину дочку, она чуть не прослезилась. А как еще прикажете одеваться, когда все подбираешь на мусорке? Я привела ее в подвал, показала, как мы с Лягусиком там обустроились, и Мухоморовна предложила мне выполнять обязанности дворника. Дворник нам по штату полагался, но человек, занимавший эту должность, уже давно имел шестикомнатную квартиру и машину, заявление же об увольнении по собственному желанию писать отказывался, а Мухоморовна не настаивала – были там у них какие-то свои варки. Много платить она не обещала, но замолвила словечко – и меня стали приглашать домработницей – где генеральную уборку сделать, где просто окна помыть. Стало хватать на еду, на кое-какие вещи и на книжки: женские романы для

Лягусика и романы Квасильевой для меня.

Конечно, Лягусик тоже без ума от Квасильевой. Ей только не нравится, что Яша курит. И на заседания клуба Лягусик тоже ходит через раз. Здоровье у нее хрупкое, а там страсти кипят.

Ну, вроде, про семью все рассказала.

И, значит, продолжаю с того места, на котором остановилась. А остановилась я на том, как с кошмарным креслом на плече, сопровождаемая Натальей, спустилась в подвал.

Лягусик не заметила нас – она, сидя под пальмой, с головой погрузилась в очередной роман. Я его подобрала на троллейбусной остановке. Он был из той серии, где на обложках – обязательно полуголые мужик и баба, которые собрались целоваться и уже на всякий случай зажмурились. А название – то ли «Апогей страсти», то ли «Перигей страсти», то ли «Зенит страсти», у них там без слова «страсть» не обходится.

Стараясь не испугнуть Лягусика, я установила это чудовище так, чтобы при необходимости было легко его вытащить обратно, и выразительно посмотрела на клиентку, а Наталья сунулась в кошелек, ахнула и сказала, что мелочи у нее нет, но она готова мне отдать свою старую кожаную куртку.

Кожаная куртка была моей мечтой. Наталья пошла к себе наверх, а я сняла рабочий халат, опять вымыла руки и отправилась получать куртку.

Стоило выйти из подвала, как я услышала женский рев.

Вот говорят «реветь белугой». Понятия не имею, как это делает белуга, но кто раз в жизни слышал рыдающую Юльку, тот понимает – все белуги мира отдыхают.

У нее был очередной конфликт с мужиком и она, покидав имущество в сумку, приехала пожить к тетке. Рыдала она, как я понимаю, всю дорогу – в автобусе, в метро и шесть кварталов от метро до нас.

Юлька шла через двор, скособочившись от тяжести сумки.

В расчете на вознаграждение, а тут можно было сшибить рублей пять, я кинулась на помощь.

– Сволочь, скотина... – бормотала, хлюпая носом, Юлька. – Убью его однажды...

– Пасть порву, – подсказала я.

– Пасть порву, зенки его бесстыжие выцарапаю...

Тут я забрала у нее сумку и, кляня на два голоса непутевого мужика, мы пошли к Наталье.

Полагая, что соседка в ожидании меня не стала запирать дверь, я ее толкнула – и дверь действительно отворилась.

– Наталья Григорьевна! – позвала я.

Ответа не было.

А между тем тетка должна была услышать рев племянницы еще за два квартала и спрятать самые крупные банкноты из кошелька подальше.

Беспокойство охватило меня. Я сделала шаг, другой, пересекла прихожую и заглянула в гостиную.

Наталья лежала на полу вверх лицом. В ту же минуту из моей груди чуть не вырвался крик ужаса.

Наверно, мне все-таки нужно было огласить криком окрестности, как это делает Яша Квасильева. Но у меня почему-то не получилось, и я в очередной раз прониклась восхищением. Надо же, казалось бы, велика ли наука – в нужный момент огласить криком окрестности, а, оказывается, не всем дано!

Большие голубые глаза Натальи не мигая смотрели остекленевшим взором вдаль, словно она видела нечто, недоступное мне. А на ее виске чернела небольшая дырочка. Крови отчего-то почти не было, на губах Натальи застыла улыбка, производившая еще более жуткое впечатление, чем предсмертная гримаса.

Но мне все равно не удалось полноценно огласить криком окрестности. Наоборот – я молча выскочила в прихожую и загородила вход Юльке.

Глава вторая

Никак не пойму, откуда Яша Квасильева знает, где кончается одна глава и начинается другая. Наверно, для начала я буду ставить точку там, где получится, а потом понемногу приноворююсь. Вот сейчас мне вообще-то повезло – Яша обычно заканчивает главу убийством, и у меня – убийство! Так что, кажется, получился очень удачный финал. А теперь буду продолжать.

Мысль о том, что баба в состоянии истерики может увидеть труп родной тетки – не то чтобы слишком любимой, но полезной, – заставила меня пихать Юльку в живот, пока не удалось выставить ее на лестничную клетку. Дело в том, что племянница росточком под два метра, а у меня было тяжелое детство. То есть, недостаток витаминов. Жареной картошки всегда хватало. Опять же, генетика. Вот тут она, холера, сработала! Я уродилась мозгами неизвестно в кого, а ростом – в папаньку. При профессии щипача метр шестьдесят – самое то, можно шнырять в любой толпе, и никто тебя просто не заметит. Папанька же уродился в своего папаньку, о котором бабка Перлюстрация никогда и ничего не рассказывала. По крайней мере, мне.

– Ты чего, ты чего?.. – забормотала Юлька.

Я поняла, что нужно действовать решительно. Задрала ей подол и заставила как следует в него высморкаться – это раз.

Основательно встряхнула – это два.

– Наталья там не одна, ясно?

– С Сашкой, что ли? Так всем места хватит... – тут Юлька заткнулась. До нее дошло, что я застучала тетку с Сашкой на полу гостиной в состоянии оголтелого разврата.

– Не звезды. Вот только тебя ей сейчас не хватало! Давай чеши к бабке! Там можно хоть год жить – она не заметит.

– Так там же...

– Шкарами не разживешься? Да, крупняка от бабки не жди. Хрен там тебе подфартит! А перетоптаться запросто.

Юлькина логика мне понятна – не просто пожить у тетки, а раскрутить ее на подарочек. Но и у меня тут своя логика. Если Юлька ворвется и увидит труп – она своими воплями весь квартал на уши поставит. И бедняжка Лягусик до смерти перепугается. А ее нельзя пугать, когда она, сидя под пальмой, читает дамский роман. У нее тут же подскакивает давление, и она падает в обморок. Прикиньте – человек всей душой в высшем свете, среди красавцев-аристократов, на каком-нибудь рауте, где все в декольте и в смокингах (а в самом деле, про героя постоянно пишут, что он был во фраке с белой гвоздикой в петлице, и ни разу на добавляют к этому наряду штаны и носки, в лучшем случае – лакированные штиблеты; впрочем, если бы Лягусик обратила внимание на эту несуряицу и представила себе мужика во фраке, но без штанов, обмороком бы не ограничилось), – так вот, когда сквозь звуки воображаемого вальса к тебе долетают визги и

вопли: «Наташку из сорок шестой зарезали, ой, все потроха наружу, ой, голова вдребезги!», то запросто можно свалиться со стула и даже опрокинуть на себя пальму.

– Да не хочу я к бабке!

– А придется!

Я потащила Юльку прочь от Натальиной квартиры, объясняя ей, что ссориться с теткой, у которой именно сегодня и сейчас обострение романа с Сашкой, – нелепо и даже опасно. И даже ждать во дворе на лавочке, пока эта парочка накувыркается, тоже бессмысленно. Они, может, еще только приступили к делу. А время уже вечернее.

В конце концов мне удалось уговорить Юльку переночевать у бабки.

Вообще-то я ее понимала – кому охота добровольно поселиться в сумасшедшем доме?

Дело в том, что Наталья матушка сбрендилась в самом прямом смысле слова. Она вообразила себя древней египетской царицей Клеопатрой. Помешательство по-своему безобидное – старуху удалось убедить, что в России она живет инкогнито, попросив политического убежища от Древнего Рима, и должна соблюдать конспирацию, поэтому на улицу она выходит в обычном платье или пальто. Но дома на ней головной убор с чучелом змеи, широкий воротник, собственноручно изготовленный из старых бус и брошек, и прозрачная комбинашка. На стенах нарисованы лотосы и египетские боги – когда-то она иллюстрировала учебники, и ру-

ка у нее все еще твердая, а чувство цвета лучше, чем у тех мазил, которые ловят лохов-иностранцев на Старом Арбате или на ярмарке в Измайлове.

Несколько раз Наталья просила меня отвезти бабке Клеопатре продовольствие. Это случалось в периоды обострения – весь организм египетской царицы бунтовал против необходимости выходить на мороз, и она соблюдала ритуальное уединение. Однако уединение на пустой желудок – вещь взрывоопасная, и после того, как старуха, выставившись февральским днем в окошке, обратилась с речью к поданным на древнеегипетском языке, требуя дани и недоимок по налогам, Наталья стала заботиться, чтобы холодильник египетской царицы всегда был набит под завязку.

Естественно, жить в одной квартире с таким сокровищем – радость сомнительная, но, с другой стороны, понянчившись с Клеопатрой, Юлька оценит все достоинства своего бестолкового мужика и вернется к нему еще ненадолго.

Убедившись, что племянница движется в сторону метро, я поспешила назад и, забежав к Агнессе Софокловне, вызвала с ее телефона милицию.

К счастью, никому не пришло в голову расспросить меня о моих перемещениях. Я же не стала признаваться, что спасла от грядущей описи имущества чудовищное кресло.

А в душе у меня все кипело, булькало и ликовало.

Конечно, с одной стороры, мне было очень жаль Наталью. Вот жил себе человек, то на чашку кофе пригласит, то зим-

ние сапоги, не прослужившие и трех сезонов, подарит. Ничего, кроме добра, я от нее не видела. А с другой стороны – это же было настоящее убийство, и я имела шанс найти убийцу, а потом написать настоящий детектив!

И я сдержала эмоции, беря в этом пример с несравненной Яши Квасильевой. Ведь у нее постоянно убивают всевозможных знакомых, а она огласит быстренько криком окрестности – и снова бодрa, активна и ищет преступника как ни в чем не бывало!

Вот и мне следовало спешно мобилизовать все свои способности для поисков преступника.

Поэтому я взяла метлу как символ своей дворницкой власти и вернулась в Натальину квартиру.

Пока милиция снимала отпечатки пальцев и по второму заходу перерывала квартиру, я контролировала ситуацию, как положено дворнику, отвечала на вопросы вроде такого: «Не появлялись ли в окружении покойницы уголовные элементы? Чеченские террористки? Вьетнамские мафиози? Олигархи?», а сама думала, что вся эта возня – дохлый номер.

Будь здесь Яша Квасильева – она бы сразу просекла, что к Натальиной смерти имеет самое прямое отношение слой картофельных очистков толщиной в десять сантиметров. Правда, пока я еще не видела связи между двумя большими мешками этой дряни и дырочкой в виске. Но связь несомненно была!

Да еще запах...

Когда я своей знаменитой зимней лопатой, укрепленной стальными прутками, гнала очистки в прихожую и формировала кучу, которую удобно было перегрузить в мешки, в квартире чем-то пахло. Запах был сам по себе тошнотворный, но навеял почему-то трогательные воспоминания. Я вспомнила школьные годы и нас с Лягусиком за одной партой. Я увидела через собой перепуганное лицо нашей учительницы химии... Что-то я у нее спросила... или она у меня? Шла лабораторная, на каждом столе в кабинете химии стояли штативы с пробирками, и я спросила...

Точно!

Я спросила:

– Любовь Афанасьевна, почему у всех в колбе получилось красное, а у меня такое зелененькое?

И она заорала не своим голосом:

– Ложись!

Сама, конечно, плюхнулась в проход между столами первой. Поэтому и осталась жива. Мне взрывом подпалило волосы и щеку, но я хоть успела заслонить Лягусика. А новые стекла в кабинете оплатил дядя Ваня.

Эти трогательные воспоминания совершенно не вязались с картофельными очистками, но ведь они почему-то ожили? Прикиньте – никогда я не вспоминала уроков химии, эта наука, по крайней мере в том виде, в каком ее преподносят школьникам, нормальному человеку ни к чему, а тут вдруг

вспомнила.

Но я отогнала сентиментальные воспоминания.

Прежде всего, следовало узнать – куда Наталья подевала очищенную картошку.

Конечно, я могла рассказать ментам про картошку. И осталась бы у разбитого корыта! А мне страшно хотелось провести свое расследование, не хуже, чем Яша Квасильева, и получить прикладом мушкета по затылку, и чтобы полковник Запердолин меня спас! Вот только стодолларовых бумажек, чтобы дарить их честным старушкам, у меня не было. Ну так я и отработать могу, полы там помыть, на базар сбегать...

В общем, решение было принято.

И я тихонько запела песню, которой научилась от папаньки и его приятелей. Пою я ее не каждый день, а только перед активными действиями. Лучшего случая, чем расследование убийства, и не придумать!

Итак, я очень тихо, чтобы не услышали копошившиеся в гостинной менты запела:

– На дело, жохи!
Ночь без балдохи –
Вот лучшая для нас пора.
Кирнем немножко
Перед дорожкой
И за душник возьмем бобра.
Решив с чертями

Тряхнуть костями,
Стригите быдло втихаря,
Марухам в грабки
Справляйте бабки,
Не ботайте по фене зря!
И зырьте!
И зырьте!
И зырьте, нет ли где шныря!

Но один все же услышал и выглянул.

– Ты еще здесь? Свободна! – рявкнул он на меня.

И я умелась.

Но не просто так умелась, а прихватила с полочки связку ключей.

Не подумайте чего плохого – мародерствовать я не собиралась. Я просто хотела ночью провести свой обыск, более целенаправленный, и выйти на след очищенной картошки.

Первым делом я растолкала жильцов, собравшихся на лестнице.

– Чего кучкуетесь? Трупа не видали?! – напустилась я на них. – А ну, живенько рассосались! В свидетели попасть хотите?!

В самом деле, им тут нечего было толочься. Вот Яша Квасильева – светская дама, она бы наверняка не разогнала метлой толпу зевак, а у меня это сразу получилось. Все-таки в чем-то я могу ее обставить, хотя говорить об этом вслух – неприлично.

Потом я спустилась в подвал к Лягусику и вздохнула с облегчением. Подружка-сестричка все еще сидела под пальмой и читала дамский роман. Яшу Квасильеву она бы с таким энтузиазмом читала! А то на последнем заседании клуба опозорилась так, что дальше некуда, – сказала, будто Авдотья Гавриловна – младшая свекровь Яши, хотя весь мир знает, что ее младшую свекровь зовут Нинель Аристарховна!

Лягусик под пальмой являла собой трогательное зрелище. Я живо вспомнила, как к нам в подвал эта пальма попала. По соседству некое учреждение освобождало особняк, купленный очередным новым русским. На улицу были вынесены столы, помнившие Ленина и Троцкого, трехногие стулья, останки шкафов, а также пальма в кадке, которую учреждение не хотело тащить на новое местожительство. Лягусик, рыдая, примчалась ко мне. Полчаса я не могла понять, кто погибнет, кому грозит мучительная смерть от холода и жажды. Когда выяснилось, что предстоит спасти всего лишь пальму, я вздохнула с облегчением. Мы взяли тачку, сходили за растением и с большим трудом втащили его в подвал. А вытащить его не удастся уже никогда – по крайней мере, целиком. Чертова пальма выросла на двадцать сантиметров, уперлась в потолок, и стоять ей тут теперь до второго пришествия. Даже если нам с Лягусиком вдруг повезет и мы переедем в нормальную квартиру, пальме придется остаться в подвале.

И тут мне в нос шибануло...

В приличном обществе и не выговорить, чем мне в носшибануло. Вообразите себе машину ассенизаторов, в которой для разнообразия решили вывезти на помойку несколько тонн ядовитого самогона. Я понимала, что машина, да еще с пьяным в лоскуты экипажем, в подвал попасть не могла, но откуда же этот убойный запах?

Неужели прорвало канализацию?

У нас есть что-то вроде санузла. Я кинулась туда – сегодня только потопа недоставало, да еще на ночь глядя. И споткнулась об источник вони.

Я не стала беспокоить Лягусика. Пусть девочка сидит под пальмой и читает роман. У меня для таких надобностей имеется зимняя лопата.

Зная чувствительную душу Лягусика, лопату я на лето не прятала, а всегда держала наготове. Моя подружка-сестричка тащила домой всех жалких, убогих и бездомных. По странному капризу судьбы среди этих страдальцев не попалось еще ни одного трезвого. И тот, что лежал у моих ног, был ничуть не лучше прочих. Уж где Лягусик его подобрала, я докапываться не стала, а сходила за лопатой и стала перемещать его к выходу так, как делала бы это на огороде с кучей компоста. Я даже наловчилась, пользуясь лопатой, как рычагом, кантовать убогих вверх по лестнице, со ступеньки на ступеньку.

Наконец я выкинула это приобретение во двор и вздохнула с облегчением.

Скорее всего, Лягусик и не заметит, что алкоголика, который так нуждается в сочувствии, больше нет. А если и заметит – не велика беда. Я всегда могу сказать, что опохмелила его нашатырем и отправила к жене и детям. Да, нашатырь!

Я взяла флакончик и обрызгала то место, где лежал бедолага. Было у нас в ходяйстве, правда, и еще одно средство дезодорации воздуха, но то я берегла для особо выдающихся случаев.

Лягусик вздохнула и закрыла книгу.

– Неужели все это бывает на самом деле? – спросила она.

– Что, солнышко?

– Что люди знакомятся, влюбляются, целуются?

Я вздохнула. Действительно – написать-то можно что угодно. Я вот как-то с помойки книжку приволокла – так там вообще людоеды пионерок ели. Меня чуть не выворотило. Я эту книжку облила керосином и подожгла.

Время было позднее. Прямо скажем – далеко не прогулочное время. И то, что я услышала стук в подвальную дверь, меня далеко не обрадовало. Это мог вернуться алкаш, которого подобрала жалостливая Лягусик.

– Ща как дам лопатой! – пригрозила я. – Часовой мастер по чертежу не соберет, падла, сука!

– Откройте, детка, это я! – ответил мне старческий голосок.

Я кинулась к двери и увидела на пороге Агнессу Софловну в шляпке, перчаточках и с болонкой.

– Вас Юля Курослепова искала, просила позвонить.

– Эта Юлька! – возмущенно воскликнула я. – Обязательно на ночь глядя пожилого человека беспокоить!

– Ну, какой же я пожилой человек, голубушка? – спросила старушка. – Я дама все-таки, мне возраста по праву рождения не полагается. И все равно я хотела собачку выгулять.

Я не очень-то хотела звонить к бабке Клеопатре и выполнять Юлькины просьбы. Но, с другой стороны, как я могла забыть, что веду следствие? Юлька – племянница покойной Натальи, она может знать нечто, связанное с загадочной картошкой. Вот Яша Квасильева сразу бы составила список всех, кто причастен к делу, добавила бы туда на всякий случай тех, кто в тот момент живет у нее в шестиэтажном особняке, и уже имела чем заняться в ближайшие дни. А я, ворона? Нет, я даже хуже, чем ворона, я – курица!

К счастью, Лягусик, уже готовившая на кухне бутерброды к чаю, услышала голоса.

– Ой, Агнесса Софокловна! И Дюшенька! Агнесса Софокловна, можно, я Дюшессу выгуляю?

– Конечно, детка!

На природную доброту Лягусика наложился портрет героини какого-то дамского романа. Эта утонченная и хрупкая героиня гуляла по парку с собачкой, к ней подошел офицер, дал собачке пинка, от чего та с воем кувыркнулась в кусты, и галантно сказал:

– Однако, низко нынче собаки летают. Должно быть, к до-

жду. Разрешите представиться – поручик Ржевский!

Ой нет, не то, там как-то иначе было, гуляла эта утонченная и хрупкая героиня с собачкой и к ней подошел не офицер, а нормальный мужчина, то есть, не совсем нормальный, а пожилой и холостой... ох, так сразу всего и не вспомнить, тем более, что сюжет я знаю только со слов Лягусика. Но главное – бедная девочка вообразила, что прогулки с собачками как-то должны способствовать личной жизни.

Нет, пора перешерстить все окрестные мусорки и найти наконец работающий телевизор, решила я. Когда читаешь про любовь – это одно, а когда видишь ее своими глазами – совсем другое. Тем более, в ночное время показывают то, чего в книжках уж точно не вычитаешь. Надо же наконец как-то объяснить эту сторону жизни Лягусику, пока не совсем поздно...

Лягусик взяла поводок и пошла на пустырь, а я с Агнесой Софокловной – к ней в гости на четвертый этаж. Оттуда я позвонила к бабке Клеопатре. Юлька, очевидно, ждала звонка.

– Слушай, Люстрель, тут у нас дурдом какой-то. Срочно требуется бык!

– Какой еще бык, блин?!

– Откуда я знаю! Она утверждает, что Наталья должна была привезти ей быка!

Я задумалась. Может быть, бабка больше не царица Клеопатра? Может, у нее обострилась мания величия, и она во-

образила себя директором мясокомбината?

– А на что он ей? Она мяса, что ли, хочет? – осторожно осведомилась я.

– Ты не поверишь – она его в жертву принести хочет...

И тут трубку у Юльки отобрала безумная Клеопатра.

– Быка Аписа лунорогого мне дайте, быка золотого, воскресяющего ныне! – провозгласила она зычно.

– Вот-вот, золотого быка! – умудрилась крикнуть в микрофон Юлька. – Слушай, а это не тот, что у тетки на шкафу стоит?

У Натальи дома столько всяких фигурок, что среди них не то что бык на шкафу, но и живой бык в натуральную величину спокойно затеряется. Она их реставрирует и сдает в салоны. То есть, реставрировала...

– А если не придет божественный бык, и не свершится тризна по обряду, под утренней звездой Гор, и лунный бык Осирис жизнь Сету не отдаст, то приложу к груди я пару скорпионов! – пообещала Клеопатра. – И будут мне кранты!

– Так бы сразу и сказала! – обрадовалась я понятному слову. – Юлька, Юлька, что там у нас вместо скорпионов?

– Понятия не имею! Она меня прочь гонит! Говорит, чтобы я ей быка привела, а без быка ночевать не оставит!

– Так, ясно... Жди, я отзвоню.

Предупредив Агнессу Софокловну, что минут через пятнадцать вернусь, я поспешила в подвал, включила электроплитку и сварила яйцо вкрутую. Потом прихватила ножни-

цы, лист бумаги, авторучку и пошла вскрывать Натальину квартиру.

То, как менты опечатывают квартиры с покойниками, меня с детства умиляло. Они заклеивают дверь полоской бумаги со штампом своего учреждения. И ставят что-то вроде подписи. Папанька много смеялся над этим приколом, приговаривая, что лучшее средство в таком разе – обыкновенное яйцо. Он научил меня переводить печати при помощи крутого яичка. Получается бледновато, но для ментов всегда сходило и теперь сойдет.

Клей я рассчитывала найти у Натальи.

Я не имела возможности провести полноценный обыск, все-таки меня ждала Юлька, точнее, не меня, а быка. Бык действительно стоял на шкафу и был мне по пояс. И не просто стоял, а на целом постаменте, вроде железобетонной плиты. Один рог у него был обломан, левой задней тоже не хватало.

Я кое-как спустила это безобразие со шкафа на пол и задумалась.

Опять в моей памяти возникло лицо нашей химички.

И более того – возник ее голос!

– Клоповник, я не понимаю! Что бы ты ни смешивала, у тебя получается жидкость для выведения пасты от шариковой ручки!

– Еще взрывчатка, – тихонько добавила я-маленькая.

– Или взрывчатка!

Так, подумала я-сегодняшняя, не пыталась ли Наталья из-готовить из картофеля взрывчатку? Какой-нибудь доморо-щенный динамит? Или, что скорее, жидкость для выведения пятен! При ее профессии многое приходится изготавливать собственноручно. Скажем, разводить краски на яйце... не забыть бы про яйцо...

Я вытащила быка на лестничную клетку, вернулась, из-готовила несколько бумажек с печатями и, уходя, заклеила дверь.

Но прикиньте – очистков было двадцать кило. Может, чуть больше. Сколько получилось очищенной картошки?

Несколько лет назад я пробовала устроиться кухонной ра-ботницей. Многому не научилась, но про таблицы выхода готовой продукции узнала. В зависимости от времени года можно рассчитать по количеству отходов, сколько было ис-ходной продукции. Летом все доедают прошлогоднюю кар-тошку, значит, кожуру Наталья срезала толстую...

Похоже, у нее образовалось около сорока кило этого добра, блин!

Но, если она делала из картошки какую-то жидкость, то должны были образоваться еще отходы! А где они? Я тогда вроде бы всю дрянь из дому повыкидывала!

Стоп, сказала я, что бы сейчас предприняла Яша Кваси-льева?

Она бы учла все варианты. И даже такой нелепый: На-талья, испытывая финансовый кризис, подрядилась чистить

картошку для какого-нибудь кафе...

Несколько минут спустя, я обнаружила себя сидящей на быке и перебирающей в памяти названия окрестных кафешек. Охнув, я вскочила и поволокла свою добычу вниз. А потом позвонила Юльке, и мы договорились встретиться под бюстом.

Есть у меня на примете такой загадочный бюст неизвестного большевика. Он стоит на станции Китай-город – и Юльке удобно туда быстренько от Клеопатры подъехать, и мне.

Лягусик все еще гуляла с Дюшессой. Я откопала веревки и увязала быка, устроив у него на спине веревочную ручку. Тащить было страшно неудобно. Тогда я приспособила к этому египетскому уроду лямки. За плечами он доставлял меньше неприятностей. Решив, что уже достаточно темно, да и кому я на фиг нужна, я не стала заворачивать животное в тряпки и потащила просто так.

Правда, рядом притормозила патрульная машина, и менты поинтересовались, кто я такая и куда несу произведение искусства.

– Да дворница я! Жиличка десятку дала, со старой квартиры на новую, тут квартал всего! – объяснила я.

Давно замечено – стоит назвать свою профессию, как все мои поступки, даже странные, уже воспринимаются как должное. Я могу возить по всей Москве жестяную ванну, установленную на детской коляске, а в ней гипсового Ильича, маленького и кудрявого, я могу посреди бульвара залезть

на дерево, и никто слова не скажет! Очевидно, люди убеждены, что дворники выполняют какие-то особые задания ФСБ, и лучше с ними не связываться. А уж если я при метле и при совке – то мне сам черт не брат!

Юлька уже толклась у бюста неизвестного большевика.

– Ой, мама дорогая! – воскликнула она, увидев мою ношу.

Юлька – баба крупная, на таких пахать можно, только ленивая. И читать не любит. Я ей несколько раз предлагала резервный томик Яши Квасильевой, но без толку. Она предпочитает тарашиться в телевизор. Зато она красивая. Моему бы Лягусику эти тугие розовые щеки, эти буйные лохмы, этот сочный рот! И этот бюст неизвестного астрономического размера тоже... Увы, с бюстом у нас с Лягусиком у обеих большая проблема. То есть с бабьим бюстом – не с тем, что в метро! Нам бы одну Юлькину сиську на двоих – и мы бы уже почувствовали себя гораздо лучше.

– Ничего, не маленькая, дотащишь! – и я сгрузила быка на пол у поднижия бюста – не Юлькиного, а того, что в метро.

– Слушай, а нельзя ли эту пакость как-нибудь того... потерять?.. – жалобно спросила Юлька.

– Можно. Только ночевать тебе тогда придется дома. Бабка Клеопатра тебя без этого быка не впустит, – обрадовала я Юльку. А что? И очень даже просто! Она вот Наталью в дом не пускала, пока та не притащила полтора кило дешевых индийских браслетов с почти не обработанными камнями. Вот именно этой дряни бабке и недоставало, чтобы окончательно

но ощутить себя Клеопатрой.

Юлька вздохнула, и я поняла, что пора помогать. Сама она никогда не поднимет с пола и не взвалит наспину эту рогатую мерзость.

Люди, спешившие перебежать с одной линии на другую, почти не обращали на нас внимания. Ну, возьмется две дуры с поврежденной скульптурой – их проблемы! Очень надо постараться, чтобы вызвать интерес публики в московском метро.

Вернувшись домой, я обнаружила Лягусика за кухонным столом, а напротив сидела тетка под пару выброшенному мной из подвала алкашу.

Лягусик подобрала бедняжку, прогуливаясь с Дюшессой. Тетка сидела на собачьем пустыре и горько плакала. Кого-то она потеряла, а вот кого – мы так и не поняли. Вроде бы она даже не по-русски говорила.

Однако горе горем, а бутерброды она наворачивала – аж за ушами трещало.

– Надо ее куда-то положить спать, – сказала Лягусик.

– Прежде всего ее не мешало бы помыть, – ответила я.

При слове «помыть» бомжиха прямо подскочила и замачала руками.

Я эту публику знаю – у них с гигиеной странные отношения. Однажды из-за этого я чуть Лягусика не лишилась.

Сестричка-подружка подобрала где-то очередного голодного бомжа и потащила его к нам обедать. Я, честно гово-

ря, была уверена, что бомж наотрез откажется мыться, поэтому первым делом выложила на стол хозяйственное мыло и жестяную мочалку для подгоревших сковородок. Но этот дядька оказался какой-то неправильный. Он схватил мыло и, бормоча, кинулся прочь.

– Ты прогнала его! – воскликнула Лягусик. – Бедный, голодный! Ты представляешь, что сейчас будет?!

– Очень даже представляю, – буркнула я. – Сожрет мыло.

– Сожрет мыло? – переспросила Лягусик. – Но он же!..

И кинулась следом за беглецом. А я натянула брезентовые рукавицы и пошла за Лягусиком – в конце концов, приводить в порядок объевшегося мылом бомжа придется мне, а не ей.

Во дворе их не оказалось – во всяком случае, на открытом месте. Я даже забеспокоилась – то, что сгинул бомж, меня мало волновало, хотя хозяйственное мыло денег стоит, но исчезновение Лягусика встревожило.

Тут из кустов жасмина, что росли вдоль торцовой стены, раздался сперва визг, затем нечеловеческий хохот.

Метла осталась в подвале, и потому я кинулась разбираться совсем безоружная.

За кустами, у самой стенки, из торчащего на уровне моей талии крана била холодная вода. Рядом стоял почти намыленный бомж. Ключья пены мало что закрывали – даже подслеповатая бабка догадалась бы, что мужик голый. А в двух шагах от бомжа дико хохотала Лягусик и тыкала в него

пальчиком. Брызги воды летели на нее, но она была совершенно невменяема, взвизгивала и еще что-то сквозь хохот приговаривала.

Я схватила Лягусика в охапку и поволокла прочь. К счастью, подвальная дверь была рядом, и никто из жильцов нас не заметил. Минуты две спустя она вдруг перестала хохотать, захлопала глазами, взгляд сделался чуточку осмысленнее, и наконец раздался тихий, робкий трогательный голосок:

– Ой, а что это такое было?..

Тогда только до меня дошло, что бедная девочка испытала сильное потрясение, и хорошо еще, что все кончилось обычной истерикой.

Я с большим трудом успокоила Лягусика. Я объяснила ей, что именно этот бомж – какой-то редкий, неслыханный экзотический экземпляр, может, даже вовсе инопланетянин, устроенный не так, как нормальные люди. И даже хорошо, что он, испуганный визгом и хохотом, сбежал как был, прикрытый лишь ключьями пены! Лягусик выслушала и возразила: что-то это какое время от времени описывается в дамских романах, но там голый герой, стоит ему только обнажиться, вызывает у героини-девушки бурный восторг, и дальше уже начинается море страсти, тут же, в кустах возле крана, Лягусик никакого восторга в себе не обнаружила.

Тут я ничего сказать не могла – вот если бы потребовалась цитата из Яши Квасильевой, я бы ответила с блеском. А дамские романы – не мое дело.

Я отвлеклась? Ой, честное слово, отвлеклась! Прямо как Яша Квасильева! Она тоже вдруг начинает вспоминать какую-нибудь историю, которая случилась с ее свекровью сорок лет назад, и вспоминает целых шесть страниц, так что, когда вдруг появляется очередной труп, не сразу понимаешь, откуда это он свалился.

Так вот, непонятная бомжиха услышала слово «помыть», подпрыгнула и замахала руками. То ли обрадовалась, то ли переполошилась – я так и не поняла. Однако время было уже очень позднее.

– Ляшенька, солнышко, ты ложись спать, а я нашу гостью помою, – ласково сказала я. Лягусик – добрая душа, чувствительное сердце, но если ее сейчас удастся уложить, то она утром, проснувшись, и не вспомнит, что вечером собиралась кого-то облагодетельствовать.

– А ты, Люстрочка, сама справишься?

Я прямо умилилась. Лягусик так трогательно проявляет свою заботу обо мне! Каждый раз, когда я зимним утром, которое на самом деле еще ночь, надеваю ватник, валенки и беру свою знаменитую лопату, она тоже сквозь сон спрашивает, справлюсь ли я без ее помощи. Я не хочу ее огорчать – ведь помощница из нее никакая. И бодро отвечаю, что работы там – на полчаса, не больше. Лягусик кротко улыбается и спит дальше.

– Справлюсь, конечно. Только это нужно проделать на улице, у крана, чтобы вшей в душевой не натрясти. Пойдем,

крошка! – это уже относилось к бомжихе. Она явно не понимала, и тогда я рушительно взяла ее за руку и потащила из подвала.

Во дворе я развернула ее лицом к помойке.

– А теперь звездуй отсюда, пока рожа цела! Ща у меня метлой огребешь! Ходют тут всякие!

И для надежности я еще дала нашей гостье пинка под зад. Бомжиха так и полетела вперед. Потом я побродила по двору, ожидая, пока уgomонится Лягусик, а в голове опять образовались непонятные залежи картофельных очистков.

Могла ли администрация кафе, которому Наталья подрядилась чистить картошку, прислать киллера? Убийство теперь – не такое уж дорогое удовольствие, можно нанять человечка и за двести долларов, но какие такие счета у Натальи с владельцами кафешки, если они на двести долларов не поскупились? Нет, это – не вариант.

Ничего не придумав, я легла спать.

Утром по хорошей погоде, оставив Лягусика смотреть сладкие сны, я вышла помахать метлой и встретила Агнессу Софокловну с болонкой. Очевидно, у всех старушек – свои странности. Вот Натальяина матушка – царица Клеопатра, а от Агнессы Софокловны я ни разу не слышала матерного слова. Тем не менее всегда можно понять, что она имеет в виду.

Я проводила ее на пустырь, а сама пошла к помойке. Там можно найти немало интересного. Я вот однажды выкопала

из контейнера почти новую зимнюю курточку для моего Лягусика.

У помойки лежал на кирпичной приступочке толстенный томик с парочкой на обложке. Я обрадовалась – эту серию Лягусик больше всего любит. Она уже прочитала «Искру страсти», «Огонь страсти», «Пламя страсти», «Факел страсти», «Вспышку страсти», «Жар страсти», а теперь мне повезло – какая-то добрая душа вынесла на помойку «Пожар страсти».

Я отряхнула находку и поспешила обрадовать Лягусика, но столкнулась с Агнессой Софокловной.

– Люстрочка, детка, у меня ручку в ванной заедает, – пожаловалась старушка.

В прошлый раз я ей приклеила отлетевшую кафелину и получила банку растворимого кофе, где еще оставалось больше трети. Так что стоило подняться со старушкой на четвертый этаж и подергать ручку.

В Юльке иногда просыпается телепатия. Обычно она реагирует на деньги. Несколько раз бывало – как с Натальей расплатятся за заказ, так тут же к ней летит рыдающая Юлька, умоляя о политическом убежище. Причем знать об этом Юлька не могла, она действительно угадывала.

Вот и сейчас, стоило мне отвинтить ручку, раздался телефонный звонок.

– Детка, не поверишь, но это тебя.

Я взяла трубку.

- Люстрель, кошмар! – завопила Юлька. – Это не тот бык!
- То есть как – не тот?
- Этот – просто бык, а ей нужен этот, Осирис, что ли?
- Ну и где я ей возьму Осириса?
- Она говорит, он там на стенке!
- Как на стенке?!?

Среди всякого хлама, который нуждается в реставрации, у Натальи был хлам, так сказать, не имеющий исторической ценности. Она съездила в Египет и привезла оттуда прорву сувениров. Разумеется, большую часть этого добра прихватизировала бабка Клеопатра, но кое-что осталось. Например, кусок папируса, на котором в две краски, черную и красную, действительно был изображен рогатый бык, окруженный всякими выкрутасами и загогулинами.

Наталья поместила его в рамочку и повесила над диваном, а размером он был с половину газетного листа, не больше.

Я беззвучно прокляла дурную бабку Клеопатру, из-за которой перлась через пол-Москвы с идиотской гипсовой фигурой за плечами.

– Люстрель, умоляю! Она меня выгонит, если ей сию минуту не будет этот траханый бык! Она совсем озверела... ой! Ваше величество, доброе утро!

Я подумала, что старуха их здорово вышколила. И вообще надо бы показать бабку Клеопатру Яше Квасильевой, это же настоящий персонаж из ее романа. Глядишь, бабка и пригодится.

Юлька меж тем лебезила перед старухой, очевидно, делая вид, что телефонная трубка в ее руке – не трубка, а так, непонятно что. Старуха басом приказывала бросить кого-то из придворных в бассейн с крокодилами, а Юлька обещала сделать это сию минуту, вот только позавтракает.

– Люстрель? Я тебя умоляю! Привези этого быка ну хоть под бюст! Я по гроб жизни!..

– По гроб жизни – это слишком много, а мне бы рублей тридцать. Я ночью того быка тащила, чуть не сдохла, теперь – этого...

– Нет проблем! Так через час под бюстом?

Тридцать рублей на дороге не валяются. Я согласилась. И пошла доделывать дверную ручку.

– Не хотела бы я дожить до исторических галлюцинаций, – глядя, как я управляюсь с отверткой, задумчиво сказала Агнесса Софокловна. – Люстрочка, ты представляешь меня в образе царицы Савской? Или королевы Марго?

– Вам это не грозит, – ответила я. – А у нее, если верить Наталье, всегда была мания величия.

– У нее, деточка, комплекс неполноценности был, – поправила умная старушка. – Вот она и компенсирует. Чего-то она от жизни недополучила.

– Быка Осириса... – буркнула я.

– Тоже не исключено.

Старушка так усмехнулась, что мне сделалось неловко. Мы с ней явно подразумевали под «быком Осирисом» со-

вершенно разные вещи. Но заводить светскую беседу было некогда – да и мое чувство хорошего вкуса против такой беседы протестовало. Прикиньте – за круглым столиком на одной ноге сидят, попивая кофеек, с одной стороны – чистенькая старушка в черных нитяных перчатках и в кружевной наколке, а с другой – тетка в сером и грязном дворницком халате, с брезентовыми рукавицами за поясом и метлой у бедра.

Поэтому я приняла в вознаграждение за ручку десять рублей и поспешила к себе в подвал – переодеваться и завтракать.

Казалось бы, что могла успеть Лягусик, пока я спозаранку махала метлой и бегала к Агнессе Софокловне? Разве что почитать в кроватке дамский роман и почистить зубы. Ан нет. Когда я вернулась, она мазала бутерброд очередному бомжу. Уж как она его подобрала, не вылезая из подвала и, возможно, из постели – я не поняла.

Бомж был мелкий и шустрый, как таракан. Я эту публику знаю – только успевай бить по рукам. Но этого я стукнуть не успела. Когда я, подсунув Лягусику почти новый дамский роман «Пожар страсти», выволокла это приобретение за шиворот и вернулась, оказалось – пропала сахарница.

Сахарница у нас была большая, из граненого стекла, в виде довольно высокого ведерка. Как бомж ухитрился ее на себе спрятать – уму непостижимо. Я высказалась в том смысле, что неплохо бы отдать бомжа какому-нибудь сексуально-

му маньяку, вооруженному для этой цели ржавым якорем. К сожалению, Лягусик еще не провалилась с головой в «Пожар страсти» и услышала мою гневную реплику.

– Ему эта сахарница нужнее, чем нам! Он ее продаст, а деньги пропьет! – убежденно и радостно сказала Лягусик.

– Если успеет... – буркнула я.

Просто я знаю, куда именно приносят бомжи свою добычу, чтобы обменять на стакан самопальной водки. Это не старый добрый самогон – это такая химическая субстанция, которой даже канализационные трубы промывать опасно – может разесть. А они – пьют, и ни хрена!

Если сейчас же побежать туда с метлой, то я еще имею шанс отбить сахарницу.

Но что важнее – сахарница или убийство?

Неизвестно, сколько времени я потрачу на спасение сахарницы. За это самое время бабка Клеопатра, не дождавись быка, вполне может выставить Юльку за дверь, и бедная баба поедет к какой-нибудь давней подружке – плакать и жаловаться на непутевого мужика. Ее след затеряется, и я не смогу ее расспросить о картофельных очистках...

А как бы поступила Яша Квасильева?

Я задала себе этот суровый вопрос и сама же немедленно ответила, Яша отправилась бы расследовать преступление, даже если бы у нее сперли фамильные бриллианты! Бриллианты она и новые купит, а вот если пренебречь преступлением – творческий процесс застопорится. А мы ведь так при-

выкли, что трижды в месяц на прилавке появляется ее новая книга! Нет, Яша нас не подводит – и мы должны вдохновляться ее образом, а не гоняться за вороватыми бомжами.

Я переделалась, вывела Лягусика во двор на лавочку, потому что в такую погоду лучше читать любовные романы на свежем воздухе, и пошла в Натальину квартиру за быком на папирусе.

Хорошо, что я заготовила бумажных полосок на несколько таких визитов. Быка я нашла сразу, сняла его и сунула в пакет, а потом стала проводить обыск на свой лад. Коротенький такой обыск – и по методике, которой ни один мент не знает.

Дело в том, что мужчины обращают внимание на отдельно взятые вещи, а нужно видеть их взаимосвязь. Тем более – когда речь идет о женских вещах. Скажем, если в сумке у женщины в летнее время лежит один носок и валяется на дне кучка троллейбусных билетов и отработанная за один день десятиразовая карточка метро, что это значит? По отдельности – то, что женщина – неряха. А вместе – она потратила целый жаркий летний день на поиски новых босоножек, объездила двадцать магазинов, устала, как собака, и безумно зла на продавщиц, которые не позволяют мерить дорожную обувь на босу ногу.

У Натальи было место, где на видном месте валялась если не вся целиком разгадка этого преступления, то по крайней мере половина разгадки. Посторонние называли его «бар-

дак», но я знала – это всего-навсего рабочий угол. Там имелось все – от бронзовых накладок для старинного комода до запчастей к мумии фараона. Этюдники, художественные альбомы, постаменты, плоскогубцы, палитры, скелеты стульев, малярные кисти, пружины от диванов, полотнища кожи, китайские вазы с драконами, гипсовые статуэтки – все это составляло композицию, которую даже крутой атеист называл бы «Конец света».

Я хотела всего-навсего исследовать верхний слой. Когда я спускала быка со шкафа на пол, мне было не до изысканий, а теперь я могла хотя бы окинуть взглядом эти шесть квадратных метров Апокалипсиса.

Сверху лежала газета – обыкновенная рекламная газета, которая, скорее всего, прикрывала незаконченное творение от пыли. Я подняла ее и обнаружила толстенную книжищу «Старая Москва». Там же лежал другой том – «Московский архив». И еще какие-то дореволюционные издания на ту же тему. Я взяла современный альбомчик про Оружейную палату и перелистала. Меня поразило количество посуды, которая там скопилась за века. Вот ведь несправедливость – одним пуды себебра, а у других последнюю сахарницу сперли! Возможно, Наталья готовилась реставрировать что-то историческое и собирала материал. Именно готовилась – потому что на поверхности никакой сломанной енды или покаленного сундука я не обнаружила. Или же Наталья уже выполнила заказ – но что же это был за жуткий заказ, если по-

сле него осталось два больших мешка картофельных очистков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.